

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-404-417

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИСТОВ И СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ*

Е.В. Масловская

Социологический институт
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
7-я Красноармейская ул., 24/15, Санкт-Петербург, 190005, Россия
(e-mail: ev_maslovskaya@mail.ru)

В статье рассмотрена актуальная зарубежная дискуссия о возможностях и ограничениях разных теоретико-методологических подходов к изучению репрезентации экспертного знания в судопроизводстве и особенностях взаимодействия судебных экспертов и юристов. Автор отмечает как вклад интерпретативной парадигмы, согласно которой правовые структуры становятся понятны лишь в результате изучения официальных и неформальных договоренностей между разными группами акторов, так и ее методологические ограничения, не позволившие преодолеть разрыв между микросферой акторов и макросферой организаций и обществ. Особое внимание уделено возможностям применения акторно-сетевой теории к изучению взаимодействия судебных экспертов и юристов. Подчеркивается релевантность принципа «генерализованной симметрии», на который опирался Б. Латур в исследовании научных лабораторий, и концепта «юридическая цепочка» в анализе правовой сферы. Вместе с тем отмечено, что исключительное внимание Латура к «особой рациональности» судебной практики помешало выявлению сложных траекторий складывающихся и поддерживаемых сетей внутри и за пределами описываемого им правового института (Государственный Совет Франции). Автор показывает, что в стремлении раскрыть внутренние механизмы производства научных фактов представители исследований науки и технологий (СТС) способствуют делегитимации результатов научных исследований, представляемых в экспертных заключениях. Они также игнорируют асимметричность властных отношений между экспертами и юристами, отказываясь от использования накопленного методологического инструментария для критического анализа судебной системы. Концепция юридического поля П. Бурдьё преодолевает односторонность подхода акторно-сетевой теории, поскольку, учитывая внутреннюю логику развития права, выявляет асимметричность властных отношений внутри юридического поля, конкуренцию между носителями разных видов юридического капитала, обладающими собственными интересами и ресурсами, а также влияние на юридическое поле других полей. Продуктивным представляется сочетание элементов акторно-сетевой теории, ее интерпретаций в исследованиях науки и технологий, и концепции юридического поля Бурдьё, что позволяет анализировать не только внутреннюю логику циркуляции экспертного знания, но и внешний контекст его производства и трансформации в юридическом поле.

Ключевые слова: социологические теории; социология права; Б. Латур; П. Бурдьё; судопроизводство; юридическая профессия; экспертное знание; юридическое поле

* © Масловская Е.В., 2018.

Статья подготовлена в рамках государственного задания Социологического института ФНИСЦ РАН, проект «Структуры и дисциплинарные культуры в социальных науках, социальное знание и его инструментальные ресурсы» № 0169-2015-0003.

В современном информационном обществе наблюдается растущая зависимость от специализированного знания. Экспертизация как широкий социальный процесс затрагивает не только политическую сферу, в которой мы наблюдаем постоянные ссылки на тех, кого называют экспертами, для легитимации принимаемых управленческих решений. В правовой сфере формальное возрастание роли экспертов также очень заметно в последнее время. Почти все рассматриваемые в суде дела — как уголовные, так и гражданские — опираются на результаты экспертных заключений. При этом парадоксальность использования экспертного знания в судопроизводстве заключается в том, что судебный эксперт нанимается для исследования предоставляемых ему материалов лицом, не обладающим необходимым специальным знанием (научным или техническим), но, тем не менее, наделенным правом оценивать результаты экспертного заключения. Существенной характеристикой экспертного знания является то, что оно производится в одном контексте, чтобы использоваться в другом, как это происходит при переходе знания от судебного эксперта к следователю, прокурору и судье, что потенциально чревато конфликтами эпистемического и структурного характера.

Производство экспертного знания и его интерпретации в процессе взаимодействия судебных экспертов и юристов на разных стадиях судебного разбирательства привлекает в последнее время внимание исследователей. Современное состояние исследований в данной сфере определяется корпусом работ зарубежных авторов, представляющих разные научные дисциплины, прежде всего юриспруденцию, криминологию и психологию [15; 18; 21; 22]. Вместе с тем взаимодействие судебных экспертов и юристов до недавнего времени практически не становилось фокусом систематического анализа с позиций социологии права и направляемого таким анализом эмпирического изучения.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ХОДЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА: МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ Б. ЛАТУРА

Зарождение и развитие социологического анализа социального взаимодействия в ходе судебного процесса связано с дискуссией в рамках критического переосмысления не только модели действия Т. Парсонса, но и релевантности количественных методов, с помощью которых социологи пытались обосновать теоретические высказывания. Выступая активными участниками этой дискуссии, представители микросоциологических подходов, таких как символический интеракционизм и этнометодология, подчеркивали, что применение норм и ценностей, равно как и реализация ненормативных целей и намерений в конкретных ситуациях, — это всегда сложный и часто противоречивый процесс. Поэтому их внимание было обращено к контексту действий людей, который необходимо точно, во всех подробностях изучать и, соответственно, «интерпретировать возможные варианты действий акторов вместо того, чтобы работать с большими объемами весьма приблизительной и потому небесспорной информации» [2. С. 183].

Применительно к правовой системе последователи микросоциологических подходов предложили обратить внимание на то, что она не только существует

в виде объективной структуры, состоящей из функциональных частей и внешней по отношению к индивидам, но и складывается в ходе взаимодействия между людьми, поведение которых связано с определенным субъективным смыслом [13. Р. 133—135]. В связи с этим сторонники символического интеракционизма «фокусировались на процессах интерпретации, определения, выбора» [24. Р. 168].

Рассматривая «неопределенность, контингентность и трансформацию» [2. С. 204] в качестве неотъемлемой части коллективной деятельности, они пришли к выводу, что правовые структуры становятся понятны лишь в результате исследований официальных и неформальных договоренностей между разными группами акторов. В работах представителей этнометодологии значительное внимание уделялось речевому взаимодействию участников судебного заседания. С этой целью анализировались выступления сторон судебного процесса и показания свидетелей. Результаты этнометодологических исследований показали, что смысл происходящего в ходе судебного процесса часто по-разному понимался профессиональными юристами и не имеющими юридического образования подсудимыми, свидетелями и зрителями [11. Р. 224].

В целом, несмотря на стремление посредством теоретической концептуализации практик и договоренностей преодолеть разрыв между микросферой акторов и макросферой организаций и обществ, в рамках данных направлений не уделялось внимание социальному и политическому контексту функционирования правовых институтов. Микросоциологические подходы оказались в большей степени релевантны для анализа взаимодействия представителей юридической профессии с носителями обыденного знания (присяжными и свидетелями), чем для понимания особенностей взаимодействия носителей разных форм профессионального знания. В последнем случае речь идет не о сопоставлении обыденного знания и юридического, а о столкновении разных типов профессионального дискурса.

Иной теоретико-методологический подход, который, тем не менее, можно назвать интеракционистским по духу, представлен в этнографическом описании работы судей, адвокатов и администраторов в Государственном Совете Франции, предложенном Б. Латуром в книге «Производство права: этнография Государственного Совета» [20]. Латур и сам признавал значительное влияние интеракционизма и этнометодологии на его представление об обществе как социальном процессе и объектах как результате дискуссий, переговоров и трансляций между акторами [10. Р. 183]. Хотя как антрополога Латура, видимо, «больше интересует обсуждение экзотических черт права и сопоставление судов и научных лабораторий, чем тщательное документирование юридической работы» [24. Р. 170], предпринятое им этнографическое исследование «во многом следует классическому интеракционистскому подходу, в рамках которого изучается совместная работа по производству юридически значимых результатов в ходе умышленно медленной деятельности разных комитетов, рассматривающих прецеденты и спорные вопросы права» [24. Р. 170]. При этом Латур, как и интеракционисты, проблематизирует саму возможность совместных действий акторов.

Эмпирический материал Латура ограничивается описанием деятельности Высшего административного суда Франции (Государственного Совета), в котором

рассматриваются иски граждан к государству и дается правовая оценка действиям государственных органов. Латур раскрывает функционирование данного института с точки зрения внешнего наблюдателя, стремясь объяснить «эзотерические» практики экспертов в области права, входящих в состав Государственного Совета.

Несмотря на то, что как эмпирическое исследование это не столько книга о праве вообще, сколько работа «об очень специфическом судебном и юридическом опыте» [12. Р. 509], Латур рассматривает свою работу как вклад в социально-правовую теорию. Он предлагает широкие обобщения относительно сущности права, которые выходят за рамки не только деятельности Государственного Совета, но и французской правовой системы в целом.

Латур убежден, что этнографическое описание позволяет раскрыть логику судебной практики, отличающуюся особой рациональностью. Такая внутренняя логика столь самодостаточна, что нет смысла пытаться ее контекстуализировать, учитывая возможные внешние воздействия. Латур отвергает апелляцию к каким-либо социальным факторам, влияющим на деятельность правовых институтов, и полностью абстрагируется от широкого социального и политического контекста, в котором функционирует Государственный Совет.

Латур признает сходство своего подхода с теорией Н. Лумана, в рамках которой право описывается как самореферентная система [20. Р. 263]. Однако существенным недостатком системной теории, который, видимо, стремится восполнить Латур, является то, что она «оторвана» от эмпирической реальности.

Описание юридических практик и дискурса в работе Латура призвано дополнить его раннее исследование науки и продемонстрировать возможности акторно-сетевой теории и недостатки иных социологических подходов. Латур продолжает свой проект, направленный на переопределение социальной науки в соответствии с принципами акторно-сетевой теории. Он утверждает, что невозможно понять право, следуя от норм к фактам и не принимая во внимание накопление разного рода документов и те трансформации, которые с ними происходят, т.е. следы, которое право оставляет за собой. Однако если в исследовании научной лаборатории, опираясь на принцип «генерализованной симметрии» [3. С. 164—170], Латур привлекает широкий круг внешних акторов, образующих сеть, частью которой выступает лаборатория, то в описании Государственного Совета он ограничивается его внутренней инфраструктурой и дискурсивными практиками. Высший административный суд Франции предстает как нечто самодостаточное, создающее собственную «социальность» посредством не только взаимодействия членов Совета, но и судебных дел, материальных объектов и процедур. Право, по Латуру, — черный ящик, содержимое которого доступно только юристам [20. Р. 255]. Следовательно, попытки критической социологии объяснить юридические практики с присущей им особой рациональностью как «социально сконструированные» и несущие отпечаток общественных сил, совершенно бесполезны и безрезультатны [20. Р. 90—93].

РОЛЬ ЭКСПЕРТНЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ С ПОЗИЦИЙ СТС

В последнее время в изучении особенностей репрезентации экспертного знания в судебной системе значительное влияние обрело такое направление, как исследования науки и технологий (СТС). «Хотя текущий академический статус СТС все еще обсуждается в различных научных и университетских кругах, но прогресс признания очевиден: в течение последних сорока лет у СТС появились свои собственные журналы, автономная профессиональная ассоциация, центры научных исследований и воспроизводства кадров в различных частях мира, свои академические награды, свои серии книг и свои критики» [8. С. 311]. Как междисциплинарная область исследований, тесно связанная с акторно-сетевой теорией, СТС стремится раскрыть взаимосвязи науки, технологий и общества, фокусируясь на переплетении социального и материального. Сторонники СТС вслед за Латуром рассматривают факты и артефакты в качестве социальных конструктов, в том числе и потому, что они могут оказывать определенное влияние на другие объекты. Экспертное заключение представляет собой пример переплетения материального и социального в процессе создания юридически значимых судебных доказательств. Социальная природа экспертных заключений проявляется в том, что они способствуют либо обвинению подозреваемых, либо признанию их невиновными, тем самым влияя на судьбы людей, вовлеченных в уголовное дело.

Согласно Латуру, передача фактов и артефактов из рук в руки сопровождается тем, что участвующие акторы «постоянно привносят что-то свое, изменяя аргумент, усиливая его и инкорпорируя его в новые контексты» [4. С. 172], т.е. по мере того, как объект передается, происходит его модификация. Именно данная проблема — выявление того, что происходит с экспертным знанием, когда оно передается от юристов-дознавателей к следователям, затем к прокурорам и, наконец, к судьям — пока остается малоизученной. Вместе с тем фундаментальная характеристика экспертных заключений — то, что они проводятся, чтобы получить ответы на вопросы, релевантные расследованию на досудебной или судебной стадиях судопроизводства. Кроме того, эти ответы должны быть выражены таким образом, чтобы их суть была понятна всем вовлеченным акторам — от дознавателя до судьи.

Концепт «юридическая цепочка», введенный Латуром, применяется для выявления специфики процесса производства, аккумуляции и дистрибуции судебных доказательств. Согласно Латуру, «подлинная сущность права может быть обнаружена в скрытой структуре юридических цепочек, которые являются невидимым проводником юридического обоснования» [20. Р. 142]. «Существуют только сети, которые соединяют одни юридические элементы с другими элементами и акторами» [10. Р. 182].

К. Крузе вводит в «юридическую цепочку» полицию, криминалистическую лабораторию, прокуратуру и суд и рассматривает экспертное заключение как вид доказательства, которое, несмотря на представление о нем как о чем-то самостоятельном, объективном и говорящем «само за себя», в действительности является

«неотъемлемой частью юридических, социальных и технологических практик» [19. Р. 3]. Крузе предлагает рассматривать судебные доказательства как специфическую форму знания, результат аккумуляции очень разных практик — юридических и неюридических — по созданию знания.

Крузе исследует взаимодополняющие и конкурентные эпистемические культуры, характерные для юристов и экспертов, чтобы проследить возникновение юридически значимого нарратива, эпистемических разногласий и управления неопределенностями как основных модальностей интерпретации судебных доказательств в ходе уголовного расследования и судебного процесса.

Под эпистемическими разногласиями она понимает несовпадение модусов знания и понимания специфики судебных доказательств профессиональными сообществами (юристами и судебными экспертами). Вслед за Латуром Крузе считает, что разногласия устраняются посредством перевода, т.е. интерпретаций, которые «„фактостроители“ дают собственным интересам и интересам людей, которых они вовлекают в конструирование факта» [4. С. 178]. Показывая, как судебные доказательства анализируются и становятся значимыми, Крузе утверждает, что доказательства возникают как познаваемый научный объект, хотя и связанный со многими неопределенностями. Это позволяет доказательству перемещаться с места преступления в лабораторию, затем к следователю, прокурору и, наконец, в суд.

В отличие от латуровского описания техники перевода, не предполагающего коннотации «возвратного действия или устойчивой реципрокной связи» [9. С. 54], Крузе рассматривает в качестве характеристики юридической цепочки «реверсное движение». На примере конкретных уголовных дел она демонстрирует, как меняется направление работы прокурора в зависимости от новых свидетельских показаний, поскольку они заставляют его вновь обращаться к судебно-медицинскому эксперту и проводить дополнительные исследования. Постепенно дело усложняется за счет новых свидетельских показаний или показаний подозреваемых, которые необходимо также проверять с помощью дополнительных экспертных исследований. Однако Крузе игнорирует постоянный характер взаимодействия юристов и судебных экспертов в качестве фактора, определяющего особенности производства и интерпретации юридически значимых судебных доказательств, поэтому вне ее поля зрения оказываются неформальные отношения между ними. Кроме того, в описании Крузе разногласия и профессиональные конфликты носят эпистемически обусловленный характер, т.е. не учитываются такие конституирующие взаимодействие юристов и экспертов характеристики, как асимметричность властных отношений, более слабые ресурсные позиции эксперта, обусловленные структурой взаимодействия, различающиеся интересы акторов внутри цепочки.

Частично восполнить выявленные лакуны позволяет концепт «рабочая группа», введенный Дж. Эйзенштейном и Г. Джейкоб [16] для раскрытия особенностей взаимодействия акторов, участвующих в судебном разбирательстве.

С позиций организационного подхода судопроизводство — результат коллективных усилий или взаимодействия акторов, представляющих разные организаци-

онные единицы. При этом важной характеристикой судебного разбирательства является постоянный поиск компромиссов и договоренностей между участниками, обладающими разными ресурсами. Авторы утверждают, что суд — это пространство, в котором формируется микроколлектив из судьи, персонала суда, прокурора, адвоката, а в некоторых случаях и подсудимого. Несмотря на различающиеся интересы, обусловленные позициями в юридическом пространстве, все участники объединены некоторым набором целей. Основной внешней целью выступает стремление сократить сроки рассмотрения дела, сохранив при этом баланс интересов. Главной внутренней целью является поддержание сплоченности «группы» и редуцирование неопределенности в процессе взаимодействия.

Состав «рабочей группы» не ограничивается лишь перечисленными акторами. Судебный эксперт также может быть включен в группу, особенно если речь идет об уголовном судопроизводстве, поскольку от того, какие выводы сделал эксперт, зависит, например, будут ли у следователя основания для возбуждения уголовного дела и какую меру наказания изберет судья, вынося приговор. В зависимости от этапа судопроизводства можно выделить не только судебные, но и досудебные «рабочие группы». Изучение досудебных «рабочих групп» позволяет понять, как появляются факты, впоследствии исследуемые в суде, и кто вовлечен в процесс их создания. Таким образом, необходимо расширить границы изучения экспертного знания в судопроизводстве и сфокусироваться на социокультурных практиках трансформации результатов экспертизы в доказательство, которое играет важную роль в определении виновности конкретного лица. Причем такая трансформация происходит не только в ходе судебного процесса, но и на досудебной стадии предварительного расследования. Иными словами, для лучшего понимания циркуляции экспертного знания необходимо выйти за пределы лаборатории и суда и обратиться к стадии предварительного расследования и характерным для него практикам «конструирования» и интерпретации доказательств. Фокусируясь на том, как представители разных профессиональных групп говорят об одних и тех же вещах, необходимо показать, как переговоры, компромиссы и столкновение позиций, мнений, оценок сопровождают производство и репрезентацию экспертных заключений.

КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЛЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЮРИСТОВ И СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Теоретической рамкой, позволяющей оценить асимметричность властных отношений между судебными экспертами и юристами, выступает концепция юридического поля П. Бурдьё [1. С. 75—128], которая неизменно выступает как одно из ведущих направлений современной социологии права [14]. На данную концепцию нередко ориентируются исследования юридической профессии, в которых подчеркивается увеличение сложности юридического поля и сопутствующие этому изменения [17; 23]. В отечественной литературе концепция юридического поля, прежде всего, сопоставляется с другими теоретическими подходами в социологии права [5; 6]. Следует подчеркнуть, что для изучения взаимодействия

судебных экспертов и юристов подход Бурдые и концепция юридического поля до недавнего времени не использовались.

Бурдые подвергает критике два противоположных подхода к исследованию правовой сферы: формализм и инструментализм [1. С. 75—76]. Первый представлен главным образом в юридической литературе: с точки зрения формализма, право — это закрытая автономная система, обладающая собственной внутренней динамикой и полностью свободная от внешних воздействий. Такая позиция получила наиболее последовательное выражение в правовой теории позитивизма Г. Кельзена, но системную теорию Н. Лумана Бурдые также считает разновидностью формализма. В рамках инструменталистского подхода, характерного для последователей марксизма, право рассматривается как орудие господства правящего класса, хотя допускается относительная автономия правовых институтов.

Латур разделяет характерный для формализма взгляд на право как закрытую самодостаточную систему, не связанную с широким политическим, социальным или экономическим контекстом. Вводя в качестве «истинной» социальности микропрактики и сети, Латур лишает социальности структуры и силы макроуровня, тем самым игнорируя сложившуюся в современной социологии трактовку права не как отражения общества, а как «аспекта или сферы опыта внутри социального» [12. Р. 509].

Латур открыто противопоставляет свой подход критической теории в социологии права, а замечания Латура в адрес Бурдые [4. С. 64—65] свидетельствуют об отождествлении им позиции Бурдые с юридическим инструментализмом.

Подобная интерпретация, очевидно, является односторонней, поскольку Бурдые учитывает влияние двух факторов на функционирование юридического поля: отношений власти, определяющих структуру поля, и внутренней логики развития права.

Юридическое поле, согласно Бурдые, представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной компетентностью, т.е. общественно признанной способностью интерпретировать корпус текстов, санкционирующих легитимное видение социального мира [1. С. 78]. Эта концепция позволяет учитывать интересы действующих индивидов, а также стратегии и тактики, используемые ими в рамках юридического поля.

Бурдые подчеркивает, что формирование юридического поля с необходимостью предполагает установление границы между носителями юридического капитала и непрофессионалами. Последние могут выступать лишь клиентами специалистов, обладающих необходимой компетентностью, которая позволяет установить монополию профессионалов на производство и коммерциализацию той особой категории товаров, какой являются юридические услуги.

Однако Бурдые не рассматривает взаимодействие в рамках юридического поля разных групп профессионалов, являющихся носителями как юридического, так и научного капитала. Тем не менее, поскольку он неоднократно описывал процессы взаимодействия между различными полями, можно реконструировать его

подход к анализу взаимоотношений юридического поля и поля науки: юридическое поле и поле экспертизы как разновидность поля науки — два социальных универсума, автономных, относительно независимых и в то же время влияющих друг на друга. Их объединяет претензия на навязывание легитимного видения социального мира, а также то, что оба поля представляют собой место внутренней борьбы за навязывание господствующего принципа восприятия и деления. Юристы и судебные эксперты выполняют работу по экспликации неявных практических принципов наименования, их систематизации и приведению в порядок. Помимо этого они борются, каждый в своем пространстве, за навязывание этих принципов и за возможность признания их в качестве легитимных категорий конструирования социального мира.

В ходе предварительного расследования или во время судебных слушаний можно наблюдать юридическое поле и поле науки, но уже представленные конкретными лицами. В ходе судебного процесса юрист, занимающий определенную позицию в юридическом поле, говорит с судебным экспертом, занимающим определенную позицию в поле науки. В целом характеристики взаимодействия между конкретным следователем, адвокатом или судьей и судебным экспертом выражают структуру отношений между юридическим полем и полем науки. Например, статусная объективность, приписываемая следователю или судье, связана не с внутренними свойствами их личности, а с полем, частью которого они является. С определенной точки зрения это поле объективно символически доминирует над полем науки. В свою очередь, оба поля испытывают давление поля политики и экономического поля, о чем свидетельствуют, например, «политически ангажированные» судебные решения и «заказные» экспертные заключения.

Ставкой в борьбе внутри юридического поля является навязывание легитимного видения социального мира. Хотят они этого или нет, но эксперты вступают в эту борьбу, поскольку результаты экспертизы становятся ее инструментами. Например, если вместо того, чтобы рассматривать представленные материалы как объект научного исследования, эксперт занимает позицию в определении виновности или невиновности, считая, что представляет научное решение, то на деле участвует в разрешении юридического спора. Частично гетерономия экспертов обусловлена искушением быть арбитром в юридической борьбе, т.е. выступать в роли, которую ждут от них юристы. Эксперт, отвечающий на вопросы следователя или судьи так, как тот от него ждет, получает «патент» на научность и не может устоять перед соблазном этой роли.

С другой стороны, поле экспертизы, как любое другое поле, структурировано в соответствии с уровнем автономии вовлеченных в него институтов или агентов, а потому эпистемологический разрыв в основе своей является разрывом с социальным заказом и ожиданиями, окружающими некоторый набор проблем. Например, согласие на проведение экспертного заключения — серьезная и деликатная операция для потенциального судебного эксперта, но эта эпистемологическая процедура редко воспринимается таким образом.

Заказ экспертного исследования следователем, судом или процессуальной стороной заключает эксперта в некоторые рамки, которые можно назвать «жи-

данием предзаданных результатов». Не все эксперты и не всегда демонстрируют такой уровень профессионального сознания, который позволяет защищать свое знание предмета и собственную компетенцию как условия автономии. В зависимости от позиций внутри поля экспертизы судебные эксперты используют разнообразные тактики, чтобы преодолеть структурные ограничения деятельности, отстоять профессиональную позицию, сопротивляться постоянному давлению и попыткам переложить на них ответственность за решения, выходящие за пределы компетенции судебных экспертов.

Мы обратились к исследованию репрезентаций экспертного знания в юридическом поле для выявления особенностей взаимодействия носителей разных типов профессионального знания в ходе судопроизводства [7]. Вместе с тем существует необходимость проведения эмпирических исследований, сфокусированных не только на микроуровне складывающихся отношений, но и на сложной взаимопереплетенности диспозиций действий акторов и позиций, т.е. тех точек объективного социального пространства, в которых они находятся. Как эксперты выполняют свою социальную роль, что помогает им поддерживать свой авторитет, каким образом их заявления интерпретируются и используются теми, кто пригласил экспертов? Как представления экспертов и иных участников о судебной системе и ее функционировании воздействуют на их поведение и взаимодействие? Посредством чего достигаются договоренности, которые становятся значимыми моментами в формировании микроколлективов на этапе предварительного расследования и в ходе судебного процесса? Ответы на поставленные вопросы позволят раскрыть асимметричность властных отношений внутри юридического поля и тактики, используемые судебными экспертами для преодоления символического доминирования юридического поля над полем экспертизы.

Таким образом, акторно-сетевая теория Б. Латура и концепция юридического поля П. Бурдьё релевантны задаче социологической концептуализации взаимодействия юристов и судебных экспертов. Принцип «генерализованной симметрии», на который Латур опирался при изучении научных лабораторий, обладает объяснительным потенциалом и для исследований правовой сферы.

Однако антропологический этнографизм, примененный в отношении Государственного Совета Франции, имеет ограничения, связанные с отказом от использования преимуществ разработанного в рамках акторно-сетевой теории и апробированного ранее подхода. Латур игнорирует роль и значение внешних факторов, воздействующих на функционирование правовых институтов, и не прослеживает сложные траектории складывающихся и поддерживаемых сетей внутри Совета и за его пределами. Вероятно, контраст в описании деятельности научных лабораторий и Государственного Совета обусловлен знанием «изнутри» научной сферы и «увлечением» роли постороннего наблюдателя по отношению к правовой сфере. В итоге Латур воспроизводит одномерные представления о сущности права и «особой социальности» правовых институтов, которые даже в юридическом сообществе (особенно в его академическом сегменте) нередко проблематизируются.

Последователи Латура, обращавшиеся к изучению деятельности судебных экспертов, также оказались под влиянием установки на игнорирование асимметричности властных отношений в ходе взаимодействия с акторами юридического поля. В стремлении раскрыть внутренние механизмы производства научных фактов последователи СТС способствуют делегитимации результатов научных исследований, представляемых в том числе в экспертных заключениях. В результате фигура эксперта оказывается основным объектом критики сторонников данного направления. В то же время они идеализируют судебную систему, не используют накопленный ими методологический инструментарий для ее критического анализа и полностью отвергают критическую традицию в исследованиях права, прежде всего концепцию юридического поля Бурдьё.

Однако именно данная концепция преодолевает односторонность подхода акторно-сетевой теории, поскольку, учитывая внутреннюю логику развития права, выявляет асимметричность властных отношений внутри юридического поля, конкуренцию между носителями разных видов юридического капитала, обладающими собственными интересами и ресурсами, а также влияние на юридическое поле других полей. Концепция Бурдьё релевантна для исследований правовой сферы в российском контексте, где особенно очевиден фактор символического доминирования поля политики по отношению к юридическому полю. Бурдьё не исследовал взаимодействие юристов и судебных экспертов, но его подход к данной проблеме может быть реконструирован.

Кроме того, несмотря на крайне негативное отношение Латура к концепции Бурдьё, между их подходами нет непреодолимых противоречий — они могут рассматриваться как взаимодополняющие в эмпирическом исследовании взаимодействия носителей разных типов профессионального знания в процессе судопроизводства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бурдьё П.* Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
- [2] *Йоас Х., Кнебель В.* Социальная теория. Двадцать вводных лекций. СПб.: Алетейя, 2013.
- [3] *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006.
- [4] *Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2015.
- [5] *Масловская Е.В.* Национальные школы современной социологии права // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. № 3. С. 52—64.
- [6] *Масловская Е.В., Масловский М.В.* Концепция юридического поля и современная социология права // Социология власти. 2015. № 2. С. 48—65.
- [7] *Масловская Е.В.* Особенности взаимодействия экспертов со следственными и судебными органами (на примере судебно-медицинских экспертов и экспертов в области оценочной деятельности) // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 4. С. 148—153.
- [8] Обыденное и научное знание об обществе: взаимовлияния и реконфигурации / Под ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамова, И.В. Катерного. М.: Прогресс-Традиция, 2015.
- [9] *Хархордин О.* Предисловие редактора // Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006. С. 5—56.

- [10] *Audren F., De Bellaing C.* Bruno Latour's legal anthropology // *Law and Social Theory* / Ed. by R. Banakar, M. Travers. Oxford: Hart Publishing, 2013. P. 181—194.
- [11] *Cotterrell R.* The Sociology of Law: An Introduction. London: Butterworths, 1992.
- [12] *Cotterrell R.* Ant's eye-view of law // *Journal of Classical Sociology*. 2011. Vol. 11. No. 4. P. 506—510.
- [13] *Deflem M.* Sociology of Law: Visions of a Scholarly Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- [14] *Dezalay Y., Madsen M.* The force of law and lawyers: Pierre Bourdieu and reflexive sociology of law // *Annual Review of Law and Social Science*. 2012. Vol. 8. P. 433—452.
- [15] *Edmond H.* Judicial representations of scientific evidence // *Modern Law Review*. 2000. Vol. 63. No. 2. P. 216—251.
- [16] *Eisenstein J., Jacob H.* Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court. Boston: Little, Brown and Co., 1977.
- [17] *Francis A.* At the Edge of Law: Emergent and Divergent Models of Legal Professionalism. Farnham: Ashgate, 2011.
- [18] *Krieken R.* Law's autonomy in action: Anthropology and history in court // *Social and Legal Studies*. 2006. Vol. 15. No. 4. P. 574—590.
- [19] *Kruse C.* The Social Life of Forensic Evidence. Berkeley: University of California Press, 2016.
- [20] *Latour B.* The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'État. Cambridge: Polity, 2010.
- [21] *Nance D.* Reliability and the admissibility of experts // *Seton Hall Law Review*. 2003. Vol. 34. P. 191—254.
- [22] *Saks M., Faigman D.* Expert evidence after Daubert // *Annual Review of Law and Social Science*. 2005. Vol. 1. P. 105—130.
- [23] *Sommerlad H.* Researching and theorizing the processes of professional identity formation // *Journal of Law and Society*. 2007. Vol. 34. No. 2. P. 190—217.
- [24] *Travers M.* Interpretive sociologists and law // *Law and Social Theory* / Ed. by R. Banakar, M. Travers. Oxford: Hart Publishing, 2013. P. 165—180.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-3-404-417

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF INTERACTION OF JURISTS AND FORENSIC EXPERTS: THEORETICAL-METHODOLOGICAL APPROACHES*

E.V. Maslovskaya

Sociological Institute

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

7 Krasnoarmeiskaya St., 24/15, Saint Petersburg, 190005, Russia

(e-mail: ev_maslovskaya@mail.ru)

Abstract. The article considers the current discussion on the possibilities and limitations of different theoretical-methodological approaches to the study of the representation of expert knowledge in court proceedings, and on the peculiarities of interaction of forensic experts and jurists. The author emphasizes contribution and methodological limitations of the interpretative traditions and focuses on the potential of the actor-network theory for the study of interaction of forensic experts and jurists, such as implementation of Bruno Latour's principle of "generalized symmetry" and the concept "juridical chain" for the analysis of the legal sphere. The author believes that Latour's exclusive attention to the "specific rationality"

* © E.V. Maslovskaya, 2018.

of judicial practice prevented him from revealing complex trajectories of networks both within and outside the particular legal institution that he studied. The article claims that representatives of science and technology studies contribute to de-legitimization of the results of scientific research represented in forensic expert reports for this approach ignores the asymmetry of power relations between experts and jurists. Pierre Bourdieu's theory of the juridical field allows to overcome the one-sidedness of the actor-network theory for it considers the inner logic of the juridical field development, reveals the asymmetry of power relations within it, competition between bearers of different forms of juridical capital with specific interests and resources, and the influence of other fields on the juridical field. The author believes that the most promising perspective is the combination of actor-network theory, its interpretations in science and technology studies and Bourdieu's theory of the juridical field, which would allow to analyze not only the inner logic of circulation of expert knowledge but also the external context of its production and transformations within the juridical field.

Key words: sociological theories; sociology of law; Bruno Latour; Pierre Bourdieu; legal proceedings; juridical profession; expert knowledge; juridical field

REFERENCES

- [1] Bourdieu P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Saint Petersburg: Aleteya; 2005 (In Russ.).
- [2] Joas H., Knoebl W. *Sotsialnaya teoriya. Dvadsat vvodnykh lektzii* [Social Theory. Twenty Introductory Lectures]. Saint Petersburg: Aleteya; 2013 (In Russ.).
- [3] Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [We Have Never Been Modern. An Essay on Symmetrical Anthropology]. Saint Petersburg: EUSPb; 2006 (In Russ.).
- [4] Latour B. *Nauka v deistvii: sleduya za uchenymi i ingenerami vnutri obschestva* [Science in Action: Following Scientists and Engineers inside Society]. Saint Petersburg: EUSPb; 2015 (In Russ.).
- [5] Maslovskaya E. Natsionalnye shkoly sovremennoi sotsiologii prava [National schools of contemporary sociology of law]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoi Antropologii*. 2007; 3: 52—64 (In Russ.).
- [6] Maslovskaya E., Maslovskiy M. Kontsepsiya yuridicheskogo polya i sovremennaya sotsiologiya prava [The concept of juridical field and contemporary sociology of law]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2015; 2: 48—65 (In Russ.).
- [7] Maslovskaya E. Osobennosti vzaimodeistviya ekspertov so sledstvennymi i sudebnymi organami (na primere sudebno-meditsinskih ekspertov i ekspertov v oblasti otsenочноi deyatel'nosti) [The peculiarities of interaction of experts with investigative and judicial bodies (on the example of forensic experts and assessors)]. *Rossiiskii Zhurnal Pravovykh Issledovaniy*. 2016; 4: 148—153 (In Russ.).
- [8] *Obydennoe i nauchnoe znanie ob obschestve: vzaimovliyaniya i rekonfiguratsii* [Ordinary and scientific social knowledge: Interconnections and reconfigurations]. Ed. by I. Deviatko, R. Abramov, I. Katerny. Moscow: Progress-Tradition; 2015 (In Russ.).
- [9] Kharkhordin O. Predislovie redaktora [Editor's introduction]. Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii*. Saint Petersburg: EUSPb; 2006. Pp. 5—56 (In Russ.).
- [10] Audren F., De Bellaing C. Bruno Latour's legal anthropology. *Law and Social Theory*. Ed. by R. Banakar, M. Travers. Oxford: Hart Publishing; 2013. Pp. 181—194.
- [11] Cotterrell R. *The Sociology of Law: An Introduction*. London: Butterworths; 1992.
- [12] Cotterrell R. Ant's eye-view of law. *Journal of Classical Sociology*. 2011; 11: 506—510.
- [13] Deflem M. *Sociology of Law: Visions of a Scholarly Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press; 2008.
- [14] Dezalay Y., Madsen M. The force of law and lawyers: Pierre Bourdieu and reflexive sociology of law. *The Annual Review of Law and Social Science*. 2012; 8: 433—452.

- [15] Edmond H. Judicial representations of scientific evidence. *Modern Law Review*. 2000; 63: 216—251.
- [16] Eisenstein J., Jacob H. *Felony Justice: An Organizational Analysis of Criminal Court*. Boston: Little, Brown and Co.; 1977.
- [17] Francis A. *At the Edge of Law: Emergent and Divergent Models of Legal Professionalism*. Farnham: Ashgate; 2011.
- [18] Krieken R. Law's autonomy in action: Anthropology and history in court. *Social and Legal Studies*. 2006; 15: 574—590.
- [19] Kruse C. *The Social Life of Forensic Evidence*. Berkeley: University of California Press; 2016.
- [20] Latour B. *The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'État*. Cambridge: Polity; 2010.
- [21] Nance D. Reliability and the admissibility of experts. *Seton Hall Law Review*. 2003; 34: 191—254.
- [22] Saks M., Faigman D. Expert evidence after Daubert. *Annual Review of Law and Social Science*. 2005; 1: 105—130.
- [23] Sommerlad H. Researching and theorizing the processes of professional identity formation. *Journal of Law and Society*. 2007; 34: 190—217.
- [24] Travers M. Interpretive sociologists and law. *Law and Social Theory*. Ed. by R. Banakar, M. Travers. Oxford: Hart Publishing; 2013. Pp. 165—180.